

А. М. РЕМИЗОВ. «НЕКРОЛОГ» П. Е. ЩЕГОЛЕВУ

Вступительная заметка, публикация и примечания Е. Р. Обатниной

Известно, что творческий путь Ремизова начался в Вологде (1901—1903), где он оказался в компании ссыльной интеллигенции, объединенной общей жизненной ситуацией, интересами и первыми опытами на литературном поприще.¹ Хотя дружеский круг вологодских поселенцев (среди которых были Б. Савинков, И. Каляев, П. Щеголев, Н. Бердяев, А. Богданов и др.) в шутку назывался «Союзом свободных алкоголиков» или «С. С. А.», их времяпрепровождение вовсе не сводилось к совместным возлияниям. Возможно, благодаря центральной фигуре Союза П. Е. Щеголеву (1877—1931) — будущему пушкинисту и историку отечественного революционного движения,² стилистика общения в этом кружке приобрела черты, схожие с дружеской атмосферой увенчанного лаврами литературной славы «Арзамасского общества безвестных людей» (1815—1818).

Значение «Арзамаса» в русской литературе не ограничивается лишь полемической направленностью против архаичной «Беседы любителей русского слова» (1811—1816). Его вклад заключается в обновлении жанров и стилей, формировании нового типа критики, новаторских приемов в области комической литературы, в обновлении особого характера творческих контактов, в которых главенствующую роль играли дружеские отношения участников и отнюдь не последнюю — ирония и самоирония, наконец, в создании прецедента литературной игры. Все это позволяет нам определить «Арзамас» как эталон литературного кружка.

Кружок, будучи весьма недолговечным писательским объединением, создает благоприятные условия для обновления литературного процесса. Обладая экстерриториальностью и замкнутостью, кружок обеспечивает особую среду общения, в которой, благодаря свободной игре воображения и творчества, формируется новый тип литератора и образ новой литературы в целом. В литературных союзах подобного рода царит культ дружбы — то, что Вяземский называл «литераторским товариществом».³ В таком виде кружок как своеобразная коммуникативная модель (по преимуществу начинающих писателей) фиксируется культурной памятью и становится особой фор-

мой литературного процесса. Однако, характерно, что семантическое сближение разновременных объединений не является объектом рефлексии их участников.

Прямая аналогия между «Союзом свободных алкоголиков» и «Арзамасом» обнаруживается в обычае, заведенном Ремизовым, писать «некрологи» или «подорожия» каждому отбывающему из ссылки. Это внешне напоминает арзамасский обряд посвящения, согласно которому каждый новообращенный арзамасец должен был сочинить похвальную речь своему покойному предшественнику по примеру ритуала, имевшему место во Французской Академии. Но так как все члены Арзамаса а priori считались бессмертными, то «за неимением собственных готовых покойников», было положено «брать напрокат покойников между халдеями Беседы и <Российской> Академии». ⁴ «Поминальная» речь в Арзамасе произносилась в ознаменование «смерти» нового собрата для враждебной «Беседы», т. е. отречения от устаревающей литературы и обретения вечной жизни для «Арзамаса», представлявшего новую литературную генерацию.

Примечательно, что Ремизов посвящал «некрологи» не только своим товарищам, но и городу, который в воспоминаниях ссыльных был связан с памятной эпохой идеологических, творческих и личностных исканий. ⁵ Весной 1903 года, оставляя навсегда Вологду, он писал Щеголеву: «Завтра утром уезжаю, — на день задержали „бумаги“. На Москву еду, потом, Бог знает, куда. <...> Прощался сегодня с Вологодой, благодарил ее: и наставила она меня, научила. Хотел писать ей некролог. Надуманную „мерзость“ схороню пока в душе <...>». ⁶ Вологда, в последующем творчестве Ремизова преобразованная в «Северные Афины», стала устойчивым символическим топосом. ⁷ В сущности такой же мифологемой для «Арзамасского общества безвестных людей» был малоприметный географический Арзамас.

Арзамасцы снискали славу литераторов и государственных деятелей за пределами своего литературного кружка. Выходцам из «Союза» также была уготована видная писательская и политическая судьба. Но в Вологде они еще были «безвестными людьми», стоявшими на пороге будущего. Шуточные «некрологи» Ремизова символизировали конец-смерть мытарств по ссылкам и возрождение к свободной жизни. Отъезд из Вологды осознавался не только как завершение одного из важнейших жизненных этапов каждого члена кружка, но и как личный выбор, зачастую отсекающий старые дружеские связи. Последующие факты биографий А. Луначарского, Н. Бердяева, Б. Савинкова, А. Богданова, Б. Кистяковского, А. Ремизова и П. Щеголева говорят сами за себя. И хотя некоторых вологодских приятелей судьба сводила потом неоднократно и прочно, понятна легкая грусть расставаний и скрытая тревога, угадываемая в одном из писем Ремизова к Щеголеву по поводу только что освободившегося из-под надзора полиции Бердяева: «От Ник<олая> Алек<сандровича> ни одного письма, будто и в самом деле умер». ⁸

Именно в Вологде началась многолетняя история взаимоотношений Ремизова и Щеголева, претерпевшая разные периоды спадов и подъемов, но неизменно скрепленная прочными узами товарищес-

ва. В одном из писем Ремизов, подразумевая отъезд Щеголева, признавался: «Еще в Вологде, в самые последние дни, изобразил Некролог Вам, но послать не решился <...>». ⁹ Вариант первой редакции «Некролога» был датирован 1 мая 1903 года. ¹⁰ Окончательный беловой автограф первой редакции — «подарочный» экземпляр, в черном коленкоровом переплете с серебряным тиснением и текстом, оформленным в модернистском стиле, судя по письму Ремизова, был отправлен адресату 27 июля того же года. ¹¹

Являясь необычным свидетельством игрового поведения двух приятелей, «Некролог» положил начало текстам, в которых Ремизов создал мифологический портрет Щеголева-исполина. ¹² Его могучая внешность органично соединилась с неистотимыми недрами ума, широтой души и блеском творческих дарований. Проявлением искреннего уважения к герою, тем не менее окрашенным добродушной иронией, стало прозвище «академик», вынесенное на обложку «Некролога». Позднее Ремизов, мысленно обращаясь ко времени вологодской ссылки, мотивировал тогдашнее «звание» Щеголева: «...П. Е. Щеголев не был еще „Архивным фондом“, ¹³ а всего только „почетный академик“ — за осанку, за голос, а главное за искусство плавание (так вологжане уверовали!) <...>». ¹⁴ Шуточный «Некролог», посвященный Щеголеву, запечатлел и стиль веселого балагурства на дружеских пирушках. Не случайно, один из фрагментов воспроизводит, по всей вероятности, ритуально повторяемую игру в «смертельно больного» (Щеголев) и «доктора» (Ремизов) после немудрых приобретений к «мадере в почке».

Интересно сопоставить ремизовский «Некролог» с дневниковыми записями другого невольного «хроникера» будней и праздников вологодской «аристократии» начала 1900-х гг. — молодой актрисы местного драматического театра, будущей жены П. Е. Щеголева — Валентины Андреевны Богуславской (1878—1931). Приехав в «трусщобы составлять репертуар», она познакомилась с ссыльной интеллигенцией. В дневнике упоминаются те же лица, что и в ремизовском «Некрологе» (Н. А. Бердяев, В. А. Жданов, В. Г. Тучапская); подробно описана гостиница «Золотой Якорь» — излюбленное место обитания ссыльных поселенцев и городского купечества; отчасти охарактеризован репертуар театра, в выборе которого не раз принимал участие Щеголев, пользовавшийся авторитетом у режиссера и антрепренера Стоянова. Любопытно, что оба автора запечатлели один и тот же эпизод из театральной жизни Вологды: Ремизов — с иронией и в импрессионистской манере изложения, Богуславская — более реалистично: «На <будущей неделе — *зачеркнуто* — Е. О.> мой бенефис. Пойдет „Цена жизни“. <...> Я мечтала о „Женщине с моря“, но после бенефиса Стоянова: 3 пьесы одноакт<ных> Метерлинка, когда он сам, сидя под столом, покрытым черным коленкором, <изображал электричество — *сверху карандашом* — Е. О.>, прикручивал фитиль, страшно вонявшей и коптившей лампы <...> и рука эта была видна и вызывала во мне безудержный смех (я сидела в ложе с Щеголевым) — я не отважилась. А Стоянов хороший актер, но изображатель. И афиша его бенефисная была украшена <такими метафорами — *зачеркнуто* — Е. О.> и гиперболами, вплоть до электрического освещения (а где его взять в Вологде), до

приглашения специального режиссера из Петербурга и консультации Щ<еголева>. И виноват П<авел> Е<лисеевич>. Это он посоветовал С<тоянову> ставить Метерлинка и прочел ему целую лекцию о нем».¹⁵

Первые впечатления Богуславской о новом знакомом, занесенные ею в дневник, во многом совпадают с литературным портретом Щеголева, созданным в «Некрологе». Эти описания сохранили образ человека, в котором удивительно переплелись раблезианская натура, изысканный эстетизм, интеллект, искрометная одаренность и ребяческое озорство:

«Сегодня за кулисами появился ссыльный. В. И. представила мне его, прибавив à part: * «Говорят он богатый: у него в Воронеже дом двухэтажный!» Очень большой, полный молодой человек с буйными кудрявыми волосами. И я вспомнила, вчера он сидел в актерской ложе сзади меня. „Купчик местный, — подумала я, но когда в одном месте представление вызвало во мне досаду, я уловила его сочувственный взгляд, взгляд прекрасных, умных синих глаз. — Нет, не купчик“, — решила я, равнодушно скользнув по нему, и вышла из ложи. Его зовут Павел Елисеевич, фамилия Щеголев. Он выслан из Петербурга за участие в студенческих беспорядках, студент последнего курса, занимается наукой. Выслан на 2 года. <...> Приятный человек, очень умный и образованный — и какая-то мягкость привлекательная во всей его крупной фигуре <...> Этот большой человек относится ко мне с таким вниманием, его общество так много дает мне, он приносит мне книги новые, говорит, что у него здесь библиотека, что он привез ее из Петербурга»;

«Я узнала, что Щ<еголев> на днях ужинал в дворянском собрании со Ждановым. Попросили навагу и съели всю, какая была. За соседним столом сидел губернатор и когда он приказал подать ему навагу, то ее не оказалось. Губерн<атор> был страшно разозлен. Щ<еголев> со смехом подтвердил мне этот эпизод. На следующей неделе ссыльным запретили посещать дв<орянское> собр<ание>;»

«Новый Год. Спектакль, после которого Щ<еголев> отвез меня к себе встречать Новый Год. У него было небольшое общество. Разговоры о Петербурге, о литературе. <...> Щ<еголев> читал рассказы Чехова, отлично, хохотала до упаду. Я думаю, из него вышел бы первоклассный актер. И в этот же вечер он подарил мне «Горящие здания» с надписью на санскритском языке. На другой день он перевел мне эту подпись, она гласила: „Валя-Валя, вы мое счастье, я верю в вас“ — и тут же он приписал по-русски: „Валя-Валя, я люблю вас“, — потом посмотрел мне в глаза и приписал — „так же, как и вы меня“».¹⁶

Именно Щеголев познакомил Богуславскую с Ремизовым: «Во время антракта Щ<еголев> привел за кулисы Ремизова А. М. Это начинающий писатель, тоже за политику (какой-то пустяк) высланный из Москвы, ему года 23. Маленького роста с втянутой головой, придавленным вздернутым носом, огромным лбом, над которым поднимается шапка волос, точно 2 рога по бокам. И большие глаза, в них такое страдание. Я как-то съезжилась под этим жутким взглядом

* в сторону, между прочим (франц.).

<...>. После спектакля я взволнованно сказала Щ<еголеву>, какой несчастный Р<емизов>; Вы не волнуйтесь, засмеялся П<авел> Е<лисеевич>, это он делает лицо, в действительности это веселый остроумный человек с хитрецей. Р<емизов> из купеческого рода, его дядя известный в Москве богач, у него он и воспитывался. Когда его выслали, дядя поморщился, вы бы ему хоть шубу какую дали. Но шубы так и не дали. Тоже занятно, что за человек, писатель! Они часто видятся со Щ<еголевым>». ¹⁷ Если текст «Некролога» отражает черты раннего стиля Ремизова-писателя, то дневник Богуславской запечатлел его внешние черты, весьма точно совпадающие с фотографиями тех лет.

В 1931 году Ремизов, верный памяти о вологодском «Союзе свободных алкоголиков», о молодости, многолетней дружеской и литературной поддержке, почтил память своего ушедшего товарища некрологом, ценность которого удваивается при сопоставлении с шуточным «Некрологом» 1903 года: сказанное при жизни ничуть не расходилось с поминальными словами. А. В. Амфитеатров, в прошлом также вологодский ссыльный, несмотря на свое сложное отношение к Щеголеву, откликнулся письмом к Ремизову: «Видел Вашу заметку о покойном Щеголеве. Кажется, Вы единственный помянули его добрыми словами безоговорочно. Вероятно, Вы знали внутри его что-то хорошее, что наружу не выходило». ¹⁸

«Союз свободных алкоголиков» Ремизов считал предтечей своей «Обезьянней Великой и Вольной Палаты» (1908—1957). ¹⁹ Щеголев в ремизовском Обезвельволпале был возведен в «старейшие князья». Заметим, что в автобиографической книге, посвященной годам ссылки и началу творческого пути, писатель указывал на общую игровую природу шуточных некрологов и обезьяньих грамот: «У меня всегда были царские замашки. В раннем детстве в Москве я щедро раздавал счастье — хлопал левой, отмеченной счастьем, рукой по руке всякого, кто бы не попросил; потом в играх — в игре в „казаки-разбойники“ я раздавал бумажные ордена и медали; <...> потом я буду выдавать „обезьяньи“ жалованные грамоты с печатями, а в Вологде я писал „подорожие“ (некрологи)». ²⁰

Но если в «С. С. А.», как и в «Арзамасе», литературные занятия представлялись исключительно важными в силу восхождения многих его участников на творческую стезю, то в Палате литературным занятиям не отводилось столь значимой роли. Зато в ней получили широкое развитие схожие с арзамасскими такие игровые элементы, как травестийное обыгрывание масонских обрядов, пародирование официальных обществ и ведомств, распределение ролей или ампула в зависимости от прозвищ участников кружка, фиксация деятельности в шуточных документах, создание целостной мифологии общества и концентрация литературной игры в сфере словесного творчества (т. е. шуточный документ — был субстратом деятельности кружка). Отчасти и стиль обезьяньих документов соотносим с арзамасским наречием — так называемой «галиматьей», виртуозом которой был в «Арзамасе» Василий Андреевич Жуковский. Следовательно, не только тексты, но и сами личности канцеляриуса Обезвельволпала и секретаря «Арзамаса» вступают в данной системе соответствий в конгруэнтные отношения.

Вологодские шуточные «Некрологи» Ремизов называл своими «первыми литературными без-образиями». ²¹ Здесь впервые обозначились элементы дружеской пародии, свойственные поздним автобиографическим произведениям Ремизова, которые исключительно созвучны шутливому тону общения арзамасцев. «Некролог», посвященный Щеголеву был рассчитан на чтение в узком приятельском кругу, также как и практически все «документы» арзамасцев, поэтому многие сюжеты из истории этих объединений требуют дополнительного комментирования. Доверительная интимность отличает редакцию 1903 г. от поздней, впоследствии в значительно переработанном виде включенной Ремизовым в книгу «Иверень». ²² Текст 1903 года несет в себе совсем свежие воспоминания о мельчайших нюансах личных отношений автора с вологодскими поселенцами и, в особенности, с П. Е. Щеголевым. Герои первой редакции, в отличие от текста «Иверня», именуется в основном по именам и отчествам, жизненные ситуации описаны без излишних пояснений.

В своих литературных начинаниях Ремизов тяготел к созданию ритмизованной прозы. Вологодский «Некролог» дополняет список его лирических произведений, написанных в экзальтированной декадентской манере. ²³ Естественно, что зрелый Ремизов в «Иверне» мастерски отредактировал свой ранний текст, отказавшись от поэтической строки и несколькими штрихами придав повествованию вычужденность и подлинную художественность.

Тем не менее, ранняя редакция «Некролога» целостно выдержана в жанре пародийного «видения». Здесь в трагикомическом тоне повествуется о получении страшного известия о «смерти» Щеголева. В сознании автора-рассказчика обрывочно всплывают воспоминания, живописующие яркие картины из вологодской жизни «покойника». В этом смысле написанный Ремизовым текст можно отождествить с шуточными речами арзамасцев и, прежде всего, с историческими для «Арзамаса» «Видением в какой-то ограде» Д. Н. Блудова или «Речью Николая Ивановича Тургенева по случаю отъезда Дмитрия Васильевича Дашкова». ²⁴ В обратной перспективе ремизовского творчества вологодский «Некролог» явился протоформой жанра «сна» — основного элемента оригинальной поэтики писателя. ²⁵

Ниже публикуется «Некролог» П. Е. Щеголеву по автографу Ремизова (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 3, № 270). Текст приведен в соответствии с современными нормами правописания, с сохранением графики и, в отдельных случаях, пунктуации автора.

---

¹ См.: *Ремизов А. Иверень. Загогулины моей памяти* / Ред., послесл., коммент. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. С. 193—271; *Брюсов В. Переписка с А. М. Ремизовым (1902—1912)* / Вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова; Публ. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и И. П. Якир // Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1994. С. 137—143 (Литературное наследство; Т. 98, кн. 2).

² См. о нем: *Емельянов Ю. Н. П. Е. Щеголев — историк русского революционно-го движения*. М., 1990; *Лурье Ф. М. Хранители прошлого*. Журнал «Былое»: История, редакторы, издатели. Л., 1990; *Брюсов В. Переписка с П. Е. Щеголевым (1903—1917)* /

Вступ. ст. Е. Ю. Литвин и С. А. Фомичева; Публ. и коммент. Л. К. Кувановой и Е. Ю. Литвин // Валерий Брюсов и его корреспонденты. С. 223—250.

³ *Вяземский П. А.* Из «Старой записной книжки» // «Арзамас»: Сборник в двух книгах / Под общей ред. В. Э. Вацура и А. Л. Осовата. М., 1994. Кн. 1. С. 106.

⁴ См.: Протокол организационного заседания 14 октября 1815 г. // Там же. С. 267—268.

⁵ См.: *Бердяев Н. А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 127—130; *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 78; А. В. Луначарский. Неизданные материалы. М., 1970. С. 604 (Литературное наследство; Т. 82); Письмо А. А. Богданова сотруднику института Маркса-Энгельса-Ленина В. Г. Сорину // Марксисты-ленинцы в Вологодской ссылке (Из истории Вологодской политической ссылки 1893—1914 гг.): Сборник документов и материалов. Архангельск, 1977. С. 26—27.

⁶ См. публикацию А. М. Грачевой в наст. изд. (письмо 35).

⁷ *Ремизов А.* Иверень. С. 237—273 (гл. «Северные Афины»).

⁸ См. публикацию А. М. Грачевой в наст. изд. (письмо 5). См. также шуточный «Некролог» Бердяеву (*Ремизов А.* Иверень. С. 258—261), автограф которого датирован 1 апреля 1902 года (Архив А. Ремизова. USA, Amherst College. The Center for Russian Culture). См. также «Некрологи» И. А. Давыдову, Н. М. Ионову, Н. К. Мукалову, И. А. Неклепаеву, З. В. Александровой (*Ремизов А.* Иверень. С. 257—264).

⁹ РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 479—1610, л. 35. (Письмо А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву от 17 июля 1903 г. Херсон).

¹⁰ Вариант «Некролога» с незначительными разночтениями в сравнении с публикуемым ниже текстом и указанной датировкой находится в составе альбома «Некрологи при разезде ссыльных по окончании их срока. Вологда 1901—1903» (Архив А. Ремизова. USA, Amherst College). Письма Ремизова к жене, датированные последними числами июня 1903 года, свидетельствуют о том, что Ремизов «передельвал» и «переписывал» первоначальный вариант текста (см. На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1985. N 4. S. 176—177).

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 479—1610, л. 36 (Письмо А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву от 27 июля 1903 г. Херсон).

¹² См. также гл. «Еркулы» в кн.: *Ремизов А.* Иверень. С. 201—205.

¹³ Имеется в виду деятельность Щеголева по организации Петроградского историко-революционного архива, начатая в 1918 г. Подробнее см.: *Емельянов Ю. Н.* П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. С. 33—35.

¹⁴ *Ремизов А. М.* Неизданный «Мерлог» / Публ. и коммент. А. д'Амелия // *Минувшее. Исторический альманах*. М., 1991. Вып. 3. С. 228.

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 627 (неразобранная часть архива).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Архив А. Ремизова. USA, Amherst College.

¹⁹ Вспоминая Вологду, Ремизов писал: «„Обезьянья великая и вольная палата“ называлась не „обезвелволпал“, а таинственным С. С. А.» (*Ремизов А.* Alexei Remizov. *Rybnik. Roman Druzstvo Pratel Studia v Praze. Preložil Ladislav Rysavy* // *Воля России*. (Прага). 1926. № 8—9. С. 231. Об этой литературной игре см.: *Гречинский С. С.* Архив А. М. Ремизова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 20—45, 32—34; *Lampf H.* Remizovs petersburger Jahre. *Materialien zur Biographie* // *Wiener slawistischer Almanach*. 1982. Bd. 10. S. 299—301; *Доценко С.* *Обезвелволпал* А. М. Ремизова как зеркало русской революции // *Europa Orientalis*. 1997. № 2. С. 305—320; *Вашкелевич Х.* Канцелярист обезьяньего царя Асыки Алексей Ремизов и его Обезвелволпал // К проблемам истории русской литературы XX века. Краков, 1992. С. 41—50; *Обатнина Е.* Обезьянья Великая и Вольная Палата А. Ремизова: игра и ее парадигмы // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 185—217.

²⁰ *Ремизов А.* Иверень. С. 250.

²¹ *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 102.

²² *Ремизов А.* Иверень. С. 251—256. Текст снабжен подробными комментариями О. Раевской-Хьюз.

²³ Писательская манера молодого Ремизова была во многом ориентирована на произведения польского модерниста Станислава Пшибышевского (см. об этом: *Брю-*

сов В. Переписка с П. Е. Щеголевым (1903—1917). С. 139—143), но нельзя не принимать во внимание и, возможно, неосознанную внешнюю созвучность ремизовского стиля тех лет «Симфониям» Андрея Белого, с которым писатель лично познакомился в ноябре 1902 года. Стилистическая близость особенно проявляется при сравнении «Некролога» с 4-й «Симфонией», отрывки которой были опубликованы в марте 1903 года в символистском альманахе «Гриф». Вологодские письма Ремизова к Щеголеву свидетельствуют об интересе обоих корреспондентов к творчеству Белого.

²⁴ «Арзамас». Кн. 1. С. 261—264; 413—415.

²⁵ Ремизов А. Мартын Задека. Сонник. Париж, 1954; *Он же*. Огонь вещей. Сны и предсонье. Париж, 1954, а также: Aronian S. The Dream as a Literary Device in the Novels and Stories of Aleksey Remizov. A Dissertation. Yale, 1971; Pyman F. Petersburg dreams // Aleksey Remizov: Approaches to Protean Writer / Ed. by G. N. Slobin. UCLA Slavic studies. Columbus, 1987. V. 16. P. 51—100; Цивьян Т. В. О ремизовской гипнологии и гипнографии // Серебряный век в России. Избранные страницы: Сборник. М., 1993. С. 299—338.

ПАВЕЛ ЕЛИСЕЕВИЧ
ЩЕГОЛЕВ

Белые льды проплыли куда-то за Белое море.
Весенние ветры усмирились.
Вздулись лопухи.
Острый запах крапивы, как летом.
Отцвели-опушились одуванчики.
Среди белого дня и белой, желтеющей ночи, раздирая человеческий гам и рассекая
громыханье-трескотню экипажей, наперекор тягостно-ненужным колоколам, орут и поют
пароходы.
Уходили, приходили...
Ненасытность брачующихся зорь...
Меркнувший шепот бессонно-вертящейся земли.
Ззз-зуу... зу-зу... зу-зу-зу...у-у...
Закроешь всякую скважину, завернешься с головой и слушаешь...
Пока не лопнет терпение...

Искусанный, я не шел, а летел по Московской.
У Спасителя ударили полночь.
В ужасе замер...
Темно-гнетущий, внезапно ослепивший звон сорвал сонную повязку с моих
глаз.
Показалось...
Нет, явь бешено била по моей крови, мозг мой выдыхал цепкие мысли.
Якорь угольно-черный...¹
Якорь — гигантский катафалк...
Креповые флаги — кисти-змеи, выползая, никнут.
И в окнах бледно-изнывающие огоньки — лица через силу бдящих.
И что-то гудит бессильным, надорванным плачем.
И медное жужжанье точит воздух.
— Еще не поздно! — и со всех ног бросился к ресторану...
В чем дело?
— Пал-лисеич, — едва сдерживая рыдания, проговорил отворявший мне
швейцар Николай, — Пал-лисеич приказали долго жить-с.
— Ка-ак?!
Николай безнадежно махнул рукой...
Вдруг вся его крепкая фигура подобострастно-горько присела.
— Покушали они, — начал он, — зубок и разболелся, пóзвали меня:
«Эх, — говорят, — Николай, подай, — говорит, — мне чего там, с зубом, —
говорит, — смерть моя, свету-с не вижу!» «Слушаю-с, — говорю, —
Пал-лисеич», да в буфет. Другой Николай в тот дён со
двора ходили. А они легли себе на диванчик, руку под головку,
посопели-посопели, да и каюк-с...
Вон и калошки ихняя-с!
Посреди прихожей, тупо глядя в разные стороны, стояли, разиня рты,
старые, огромные калоши.
— Цыц, ты! — бросился Николай на прокурорскую собаку, и повисшие
усы его ошетинились.

Разбуженная разговором, та вышла из угла, потянулась и принялась подзрительно обнюхивать калоши.

Я подымался наверх.

— Не занят?

— Никого нету-с. Василий Христофорович,² Владимир Анатольевич³ и Борис Викторич⁴ только что вышли, на биллиарде играют-с, минут с пять-с, — встретил другой Николай; и не досыпающее лицо его в горькой обиде напрасных заушений уныло говорило: «умер-с».

— Мадеру в почке!

Покойники, перебирал я имена, все вы ушли от меня!

Вон диван, где игриво-захмелевший Николай Александрович,⁵ хохоча и странно жестикулируя, заучивал Царя Никиту,⁶ вон стол, вокруг которого бегала Вера Васильевна,⁷ и на котором выплясывал Аггей⁸ свой лошадиный танец, там Соля⁹ в одних чулках изображает знакомого актера и острит, а тут вот Сам сидел...

Как сейчас вижу бритое Его лицо с хищно-раздувающимися ноздрями, с подвитой шевелюрой простака, дико спускающейся на чело, а эта глубокая черта-морщина вдоль лба и серые, умные глаза бесстыдника под стеклами пенснэ — все живо, близко, вот выступит из моей думы, задвигнется, заговорит...

Высоко, выше всякого напитка и редкостных изданий Покойный читл Свободу, Смелость, Дерзость. Искушенный знанием глубоким, постигнув мудрость Индии жемчужной,¹⁰ Он понимал великих чародеев, вникал в толпой осмеянное, родился с Ибсеном, нос к носу подходил к театру одинокого Бельгийца...¹¹

«Если Ремизов-Свин-чали с***¹² то-то и то-то, я, я ему дам пощечину!» — так говорил Он про того самого декадента,¹³ которого «Мы с Павлом вытянули за волосы на свет...» Помню лениво закатывающийся июньский вечер с замيراющим городским гулом, и где-то отдаленно пение медного оркестра, и серебристо-матовые звуки цитры под моим окном. Я только что приехал в Вологду и днями не выходил из комнаты.

Неожиданно стук.

Покойный...

За сливянкой и яичницей погас вечер, и одинокая булавочная звездочка робко играла на прозрачно-голубеющем небе надвигающейся ночи.

«Я — скептик, я ищу, а меня под доску тащут, вот обыск был...» — попрощался покойный.

Родным дыхнуло; дорогим, любимым запечатлелся образ.

И я подошел к нему и...

«Что из вин прикажете-с?» — перебил Николай, ставя пряно-кипящее блюдо.

— Джинджиру, — отвечал я, — в воспоминание...

Помню тихо-скользящую реку и переливно-катящийся ключ восходящего месяца.

Клокот еле двигающейся лодки...

«Павел, — говорил мне покойный отец, — учись ты на трубе,

толк выйдет, во-что!»

Вера Григорьевна,¹⁴ играя веслом, снисходительно улыбается.

«Фи, — говорит она себе, — как это не тонко!»

Николай Александрович, озаренный зеленью света, кокетничает с своим отражением.

«И за что я люблю тебя, светлая ночь...»

«А потому, как земля во мне, — слышится голос Покойного, — земля в моей природе...»

Я налил незаметно появившегося ликеру, отхлебнул...

И вдруг захотелось яблок, слив, груш, винограду.

Представилось: сидим с Покойным верхом на перилах набережной, сидим и хрюпаем наперегонки фунты за фунтами.

Проходит Давыдов¹⁵ чинно, застегнутый.

«Сегодня реферат», — объявляет он.

Бьет в соборе восемь.

Едва передвигаясь и тяжело дыша, отправляется Покойный в Садик...

Я отхлебнул еще и еще, налил рюмку, другую, третью...

Что это?

«Такое стремление реакционных сил производить свою историческую контрабанду под флагом критики всего лучше доказывает то могущество и то уважение, которыми пользуется этот благородный флаг во всех морях и заливах бурного океана современности».¹⁶

Александр Александрович,¹⁷ подстриженный, в черной, чистенькой блузе, свернул мелко исписанные листочки.

Облегченно зашумели.

«Павел Елисеевич! — оратор нервно протискивался сквозь толпу слушателей к выходу, где на ступеньках лестницы, будто изваянная, застыла фигура Покойного в сидячем положении, — Павел Елисеевич!»

«А! — просыпается Покойный, — где?»

«Вас — председателем...».

Покойный снял рубашку, повесил на гвоздик и остался в одних штанах.

Он занял большую часть скамейки, растопырил ноги, почесывает грудь и подмышки.

А на краешке ютятся два тощих тела: часовщик¹⁸

и лесоторговец,¹⁹ и тот и другой напряженно следят.

Ярко-желтый, расплывающийся луч играет на просыхающем, будто час назад вымытом, полу.

По стенам бегают зайчики.

Наконец-то снял штаны и медленно погружается в воду.

Поднимается волнение.

— Э-эх! — не выдерживает часовщик, — Русь-то матушка!

— Да-а, — поддерживает другой, — эт-то...

Оба, как прикованные, не сводят глаза.

Не обращая внимания, Покойный намылил голову и поплыл.

А те на перекличку:

— Пароход!
— Засима и Савватий! ²⁰
— Ангарец!
— Куда!

«Куда? — раздумывает Покойный, — к Жданову ²¹ — Надежда Николаевна.,²² к Сегорским ²³ — уехали, у Анны Яковлевны ²⁴ вчера взял...

Он медленно подвигается по Желвунцовской, голову за плечи, важно.

— Извозчик! — вдруг раскатывается его зычный голос. Задрезбужала,.. поехали.

Ишь, на стороны покачивается, будто раскланивается.

— Дома?

— Дома-с, пожалуйста.

— Богдану Александровичу!²⁵

— Павел Елисеич, наконец-то!

То-да-сё, о книгах...

— Тридцать, — глухо говорит Покойный, — до завтра...

Подкашливание из-за дверей.

Пауза.

— Так до завтра,... до завтра, Павел Елисеич.

Покатилась головка,
Покатилась голова. —
Знать такая уже доля
Атамана-казака.

И скривив рот набок и прищутив левый глаз, фальцетом и чаше:

Поклонился он народу,
Помолился на собор. —
А палач в рубахе красной
Высоко занес топор.

Выше, еще выше до взвизгивающих криков:

Покатилась головка,
Покатилась голова. —
Знать такая уже доля
Атамана-казака.²⁶

Лицо надулось, красное; голова ходуном ходит...

Покойный только что покушал.

На столе бутылка Кроновской мадеры с ободранной

голубой ленточкой на этикетке по обычаю...

— Ха-ха-ха... го-го-го... хи-хи-хи... хе-хе-хе! — вырывается вдруг раздольно-дробящееся хохотанье.

И вся комната с посудой и людьми до последнего обойного цветочка и полоски ответно вторит на разные лады;

и, кажется, за окнами, по воздуху несутся смехи, сорвавшиеся с неба.

Венера любит смех,
Веселие для всех.
Чтобы ей угодить
Веселей надо жить.²⁷

Покойный семенит «ножками»: руки в оттопыренных карманах, волосы упали на глаза, щеки и живот вздрагивают.

И... грох!

Посинел, отходит...

Мгновенье мертвого затишья

— Где доктор, раздается громовой возглас, позовите мне доктора!

И снова заразительней, звончее:

— Ха-ха-ха... го-го-го... хи-хи-хи... хе-хе-хе!

Павел Елисеевич, ради Бога, это останется между нами, пожалуйста!

— Я — могила, спросите у Алексея Михалыча...

О набат, набат, набат! —
кричит-бьет Покойный.

Слушатели замерли, косятся на окна.

Борис Эдуардыч²⁸ как-то зарево увидал...

— И что без Вас делали бы ссыльные, — разбежались бы... — говорит дама категорическая.

Покойный обмазал корку икрой и старательно посыпает ее лучком...

Я налил еще рюмку, упал кристалл...

— Можно, — говорит Покойный, — мы будем французами из Theatre d'art, хорошо.

— Сделайте такую милость!

— А электрических свечей 20.000, так и напишите...

Аркад сделает.

— Павел Елисеевич, прийти бы Вам за часочек,

Метерлинка первым поставим.²⁹

— Ладно.

Я проглотил кристалл, налил еще...

Стена закачалась, комната наполнилась дымом и огнями.

— Сам Павел заметил, — крикнул кто-то визгливо резко.

— Павел предлагает в случае чего...

— С научной точки зрения, — послышался осоловевший голос Покойного.

Я содрогнулся...

Представился зал, сплошь заваленный обломками мебели,
осколками посуды.
На стене простреленные часы.
Посреди качающаяся лампа.
Медленно капают черные капли керосина.
На уцелевшем столе зловещая свеча.
Покойный, скрестив окровавленные руки, застыл в
вызывающе уверенной позе.
На три шага Аггей, страшно худой и смертельно
бледный,
Весь изогнулся, целится...
Бах-трах!

В бутылках белели одни кристаллы.
— Записать-с? — подскочил Николай.
— Да-а-а! нн-а покой-на!...
Весь рот сжимало что-то вяжуще-огненное.
Стал выходить.
Мимо прошел Василий Христофорович, немного сгорбив-
шись, без удивления, мучительно до неприятности улыбаясь.
Бойко, посапывая, пронесся Владимир Анатолич.³⁰
Мелькнуло каменно-крысиное лицо Бориса Викторовича.
— Подлец, прошипело мне вдогонку, подлец!³¹
— Ну, а как пел он, — всхлипывал Николай, выпуская
меня, — как он пел!
Мне стало горько.

Подполье ³²
1903.
Весна.

---

¹ Гостиница «Золотой Якорь», одним из постояльцев которой в 1900—1901 году был Н. А. Бердяев. См.: Мельникова Е. ...Остановились в «Золотом Якорь» // Вологодский комсомолец. 1989. 22 окт.

² В тексте «Некролога», хранящемся в американском Архиве Ремизова (USA, Amherst College. The Center for Russian Culture), рядом с указанным именем в скобках приписана фамилия «Белозеров».

³ Жданов В. А. (1863—1932) — присяжный поверенный, за принадлежность к партии «Народное право» в 1895—1897 гг. находился в ссылке в Грязовце, после окончания срока проживал в Вологде под негласным надзором полиции. В 1902—1903 гг. квартира Жданова использовалась как явка, здесь же обычно устраивались проводы ссыльных. См. упоминания о нем: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1987. N 6. С. 257, 302; Ремизов А. Иверень. Загогулины моей памяти / Ред., послесл. коммент. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. С. 246, 250, 370.

⁴ Савинков Б. В. (1879—1925) — один из руководителей партии эсеров, писатель, был сослан в Вологду в 1902 г., откуда в 1903 сбежал через Архангельск за границу (См.: Савинков Б. В. Воспоминания // Былое. 1917. № 1 (23). Июль. С. 149—150). См. упоминания о нем и примечания: Ремизов А. Иверень. С. 264—272, 342.

⁵ Бердяев Н. А. (1874—1948) — о вологодском периоде жизни философа см.: Вадимов А. Жизнь Бердяева. Россия. Berkeley, 1993. С. 44—56; Бердяев Н. А. Самопозна-

ние (опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 127—130. Ср. с воспоминаниями Ремизова о Бердяеве, навеянными известием о его смерти: «46 лет назад (проводы) „Золотой Якорь“ — Grand Hôtel вологодский „шикарный“, избалованный судьбой Николай Александрович, шампанское» (*Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 103). См. также вступ. заметку к настоящей публикации, прим. 8.

⁶ Подразумевается эротическая сказка А. С. Пушкина «Царь Никита и сорок его дочерей».

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ *Маделунг Аггей Андреевич (Оге, Ааге)* (1872—1949) — датский писатель. В начале 1900-х гг. был скупщиком и экспортером масла в Вологде; начинающий писатель в последующие годы состоял в дружеской переписке с Ремизовым. (См.: Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. П. Альберга Енсена и П. У. Мёллера. Copenhagen, 1976). В Вологде ссыльные часто собирались в доме Маделунга. Об одной из таких встреч Ремизов вспоминал: «Помню один вечер — был Савинков, Щеголев, еще Жданов. Сидели, рассуждали — мирно шел разговор, только очень напряженно — Савинков тогда еще только готовился к подвигам своим, кипело. — И вдруг во время разговора хозяин наш ни с того, ни с чего вскочил на стол и, представляя коня, пустился по столу беситься, как настоящий стоялый жвытский конь» (*Ремизов А.* Крашенные рыла. Театр и книга. Берлин, 1922. С. 39).

⁹ *Сегаль Соломон Леонтьевич* — хозяин часового магазина в Вологде.

¹⁰ В 1895 г. Щеголев поступил на санскрито-персидско-армянский разряд факультета восточных языков С.-Петербургского университета и весьма преуспел в своих занятиях до ареста и высылки в Вологду.

¹¹ Имеется в виду увлечение Щеголева творчеством М. Метерлинка.

¹² Подразумевается конфликт Ремизова с Щеголевым, и прежде всего, с активистами «боевой» партии эсеров — Савинковым и И. Каляевым, связанный с женитьбой Ремизова на ссыльной С. П. Довгелло. Ср. с письмом Ремизова Щеголеву, препровожденным экземпляром публикуемого «Некролога»: «Фразу „Ремизов — Свин-чали“ считаю сомнительной». (*Ремизов А.* Письма к П. Е. Щеголеву. РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 1479—1610, л. 36). Подробнее о ссоре см.: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой // *Europa Orientalis*. 1985. № 4. S. 155—156. Отголоски этого сюжета проявились в письме Ремизова к жене 1904 года, позднее дополненные авторскими комментариями в квадратных скобках: «...вспомнил, Маделунг говорит, что „там“ [Б. В. Савинков] <пояснение Ремизова, объединяющее под именем Савинкова мнение активистов партии эсеров, к которой принадлежала С. П. Довгелло. — Е. О.> убеждены, что я умышленно допустил рождение ребенка, чтобы окончательно тебе отрезать путь к возвращению в лоно старых интересов и „жизни“ [т. е. к революционной деятельности]. Вот почему, должно быть, П. Е. Щеголев не ответил на письмо и вообще замолчал» (На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // *Europa Orientalis*. 1987. № 6. S. 264).

¹³ Подразумевается распространенное суждение, иронически поддержанное Савинковым и Щеголевым, по поводу личности и первых литературных опытов Ремизова. Ср.: «Еще с Устьсысольска пошла обо мне молва: по жандармской линии, как о опасном революционере <...>, а в мире ссыльных, как о „декаденте“: я разлагаю и устраиваю всякие помешиха, поощряя всякое распутство» (Там же // *Europa Orientalis*. 1985. № 4. S. 155).

¹⁴ *Крыжановская (в замуж. Тучапская) Вера Григорьевна* (1866—?) — домашняя учительница, за принадлежность к киевскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» отбывала ссылку в Вологде (с 9 мая 1900 г. по март 1903 г.), где входила в литературную социал-демократическую группу. В книгу «Иверень» не вошел «Некролог» В. Г. Тучапский, сочиненный Ремизовым на день ее отъезда из Вологды 22 марта 1903 г. (Архив А. Ремизова. USA, Amherst College).

¹⁵ *Давыдов Иосиф Александрович* (1866—1942) — теоретик-марксист, к моменту ссылки в Вологду автор книги «Что же такое экономический материализм?» (Харьков, 1900). См. упоминания о Давыдове в тексте, посвященного ему шуточного «Некролога», и примечания: *Ремизов А.* Иверень. С. 246, 256—257, 369.

¹⁶ Вероятно, пародийное воспроизведение выступления А. А. Богданова, который в идеологических спорах ссыльных составлял оппозицию Бердяеву (см. об этом: Марксисты-ленинцы в Вологодской ссылке (Из истории Вологодской политической

ссылки 1893—1914 гг.): Сборник документов и материалов. Архангельск, 1977. С. 26—27).

¹⁷ *Богданов Александр Александрович* (наст. фамилия Малиновский, 1873—1928) — философ, сочетавший марксизм с эмпириокритицизмом Маха и Авенариуса; к моменту ссылки автор «Краткого курса экономической науки» (М., 1897 и др. изд.); в вологодской ссылке с 1901 по 1904 год. См. упоминания о нем и примечания: *Ремизов А. Иверень*. С. 245; На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // *Europa Orientalis*. 1985. № 4. S. 156—159.

¹⁸ См. прим. 9.

¹⁹ В тексте «Некролога», хранящемся в американском Архиве Ремизова (USA, Amherst College), упоминается лесоторговец Гириш.

²⁰ По-видимому, названия речных пароходов, приходивших в Вологду.

²¹ См. прим. 3.

²² Жена В. А. Жданова.

²³ *Сигорский Николай Васильевич* — ссыльный, присяжный поверенный, и его жена — Анна Александровна; упоминаются в книге «Ивернь» (С. 246).

²⁴ *Сегаль Анна Яковлевна* — жена С. Л. Сегалья.

²⁵ *Кистяковский Борис Александрович* (1869—1920) — философ права; в 1890-х гг. организатор марксистской пропаганды в студенческих кружках Киева; с осени 1902 по весну 1903 г. находился в Вологде, где отбывала ссылку его жена М. В. Бернштам. См. упоминания о нем и примечания: *Ремизов А. Иверень*. С. 249, 374.

²⁶ Очевидно, любимая песня «Казнь Стеньки Разина» в «С. С. А.» (см. прим. к тексту «Иверня». С. 376). Неслучайно строки из этой песни Ремизов приписывает в своем письме к Щеголеву от 21 мая 1903 года (см.: *Ремизов А. Письма к П. Е. Щеголеву*. Л. 32). О щеголевской любви к пению Ремизов вспоминал: «...Павел Елисеевич Щеголев — как жили мы вместе в Вологде, все, бывало, за делами, куда уж тут петь, а как попадем в баню, тут вот и начинается — уж так поет, как свирепствует, вологжане, как, бывало, завидят нас с узелками, опрометью, кто в чем и прямо к бане: всякому, ведь, охота ерихонского пения послушать» (*Ремизов А. Крашенные рыла*. Тетрадь и книга. Берлин, 1922. С. 38).

²⁷ Припев песенки Париса из оперетты Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена» (см.: *Ремизов А. Иверень*. С. 201, 348).

²⁸ *Шен Борис Эдуардович* — вологодский ссыльный.

²⁹ См. вступ. заметку, с. 180—181.

³⁰ Неустановленное лицо.

³¹ По-видимому, фраза, обнаруживающая характер «гонений», которым подвергся Ремизов за свое «пагубное» влияние на С. П. Довгелло. См. прим. 12.

³² Топонимика, характерная для автометаописаний Ремизова последних месяцев пребывания в Вологде, когда в результате конфликта с Савинковым и Каляевым, он оказался в изоляции от дружеского общения. Подробнее см.: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой // *Europa Orientalis*. 1985. № 4. S. 155—168. Такое же определение личного пространства находим и в письмах Ремизова к Щеголеву, относящихся к этому времени.